

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

АННА ЛИТВИНА · ФЕДОР УСПЕНСКИЙ

**ПОХВАЛА ЩЕДРОСТИ,
ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА,
ЗОЛОТАЯ ЛУДА...**

*Контуры русско-варяжского
культурного взаимодействия*

Второе издание,
исправленное

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

МОСКВА · 2019

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4
Л64

Рецензент — канд. ист. наук, доцент Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ
Д.А. Добровольский

Л64 **Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б.** Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия [Текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., испр. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 192 с. — 400 экз. — ISBN 978-5-7598-2125-0 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2036-9 (e-book).

В отечественной науке роль варягов в образовании древнерусского государства оценивается весьма высоко, в частности у исследователей уже практически не вызывает сомнений скандинавское происхождение самой княжеской династии Рюриковичей. Однако на сегодняшний день в так называемом варяжском вопросе наблюдается известное противоречие: при огромном массиве археологических данных, недвусмысленно свидетельствующих об активном присутствии варягов на Руси в X–XI вв., мы располагаем весьма ограниченным количеством лингвистических следов и примет этнокультурного взаимодействия русских и скандинавов в эту эпоху.

Данная книга представляет собой опыт историко-филологического разыскания в области культурных контактов Скандинавии и Руси на излете эпохи викингов. Образ идеального правителя, практика обмена дарами, представления о статусе и наследственных правах незаконнорожденного, рассказ о предках как средство характеристики потомков, переκληка личных имен, прозвищ и торжественных панегириков — такова лишь часть тех напряженных точек этого взаимодействия, к которым мы попытались подступиться в нашем исследовании.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

На обложке — фрагмент изображения парусника норвежского короля Олафа (1015–1028) на алтаре церкви Värmdö в Стокгольме
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Olav_der_Heilige01.jpg>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>
doi:10.17323/978-5-7598-2125-0

ISBN 978-5-7598-2125-0 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2036-9 (e-book)

© Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2018; 2019

Содержание

От авторов 5

Глава I

ПОХВАЛА ЩЕДРОСТИ 8

1. СКАНДИНАВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 9

СКУПОЙ — ЩЕДРЫЙ — ДОБРЫЙ 9

Прозвища и родовая характеристика
скандинавских конунгов 9

ЗОЛОТО И УГОЩЕНИЕ, НАГРАДА И ОТПЛАТА 21

Синтез и антитеза в панегирических формулах 21

СКАЛЬДЫ И САГИ 28

Автохтонность формулы
и механизмы ее распространения 28

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 43

2. РУССКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 45

НОВАЯ РОДИНА КРАТКОЙ ФОРМУЛЫ 46

Части и целое, панегирик и порицание 46

РЕЧЕНИЕ И РАССКАЗ 55

Где и как формула стала сюжетом 55

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 69

Глава II

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА 72

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА ПОВЕРЖЕННОГО ПРАВИТЕЛЯ

В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ КОНТЕКСТЕ 75

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ КЛИШЕ

В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ 89

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА В РУКАХ ВАРВАРА —

ПОКАЗАНИЯ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ 104

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 124

Глава III

ОШИБКА РОГНЕДЫ 126

ОГРАНИЧЕННОСТЬ/ОТСУТСТВИЕ
НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ У ДЕТЕЙ РАБЫНИ
В СКАНДИНАВИИ 127

КЕМ БЫЛИ РАБЫНИ-МАТЕРИ 131

ДВА ЛЕТОПИСНЫХ РАССКАЗА О РОГНЕДЕ
В ПЕРСПЕКТИВЕ
СКАНДИНАВСКОЙ ТРАДИЦИИ 141

ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ И БУКВА ЗАКОНА 145

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 148

Глава IV

ЗОЛОТАЯ ЛУДА ВАРЯГА ЯКУНА 151

СЦЕНЫ ЛИСТВЕНСКОЙ БИТВЫ 1024 Г. 151

«ТЕМНЫЕ МЕСТА» В РАССКАЗЕ
О ВАРЯГЕ ЯКУНЕ 152

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПЛАЩОМ
В СКАНДИНАВИИ 157

ХАКОН МОГУЧИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕВЕРЯН 162

ВНУК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
РОДОВОГО НАСЛЕДИЯ 164

МОЛОДОЙ ЯРЛ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ДВУХ НАРРАТИВНЫХ ТРАДИЦИЙ 167

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ «*отбъжати* + Gen.»
В ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ 172

Литература и сокращения 176

От авторов

Немного найдется событий тысячелетней давности, которые вызвали бы столь напряженный, живой, а иногда и весьма болезненный интерес, как история скандинавского присутствия на Руси. Мало того, что так называемый норманнский вопрос, или спор о роли северных пришельцев в основании древнерусского государства, еще с петровских времен то и дело вовлекается в пространство злободневной политической идеологии, но и самые свидетельства варяжско-русских контактов весьма неоднородны в различных областях культурной традиции. В самом деле, если говорить о доказательствах вещественных, материальных, то здесь мы сталкиваемся с чрезвычайным изобилием различных артефактов — от пряслица с рунической надписью или молоточка Тора до целого кургана с нетронутым погребением знатного воина. Число археологических находок подобного рода постоянно растет, у нас всегда есть надежда на появление новых данных, которые позволят расширить наши представления о масштабах скандинавского присутствия.

Однако едва лишь мы обращаемся к миру слов и образов, все оказывается заметно сложнее. Найдем ли мы, например, в древнерусском языке скандинавские заимствования? Да, разумеется, северогерманское происхождение целого ряда слов давно не вызывает сомнений у лингвистов, но число этих заимствований несопоставимо с теми языковыми преобразованиями, которые претерпел, скажем, древнеанглийский язык в результате нормандского завоевания. Тем более труден вопрос о том, много ли в древнерусских текстах мотивов, сюжетов или мелких повествовательных деталей, напрямую перекликающихся с теми, что мы обнаруживаем в скандинавских памятниках, запечатлевших ту же эпоху. По-видимому, их одновременно и больше, и меньше, чем может показаться на первый взгляд.

Причины всех этих трудностей не в последнюю очередь связаны с тем, что русская и скандинавская средневековая книжность отнюдь не были ориентированы друг на друга — ни одна из этих традиций не послужила для другой прямым источником образцов, хотя им нередко приходилось черпать образцы из одного и того же источника. Жанро-

вый репертуар этих традиций чрезвычайно различен: на русской почве мы не увидим ни родовых саг, ни тем более скальдической поэзии, и ни один из скандинавских хроникальных источников невозможно уподобить древнейшим русским летописям. Даже если эти памятники говорят об одном и том же, опознать подобное тождество показаний порой оказывается весьма непросто из-за естественных различий в структуре и поэтике текста. Вместе с тем не менее различны и критерии достоверности, которые приходится применять к извлекаемым из столь непохожих источников сведениям.

Кроме того, IX—XII вв. — времена, на которые пришлось интересующие нас контакты, отчасти непосредственно предшествовали, а в значительной степени попросту совпадали с эпохой грандиозных сдвигов и перемен в истории Руси и Скандинавии. Распространение христианства, крещение отдельных правителей и их окружения, а затем и целых народов, становление единовластных династий и формирование собственного круга почитаемых святых шли бок о бок с возникновением письменной культуры нового типа, которая была порождением и частью этих инновационных процессов. Неудивительно поэтому, что в ее недрах большее отчасти погребло под собой меньшее — некогда судьбоносное взаимодействие с близкими соседями интересовало книжников лишь постольку, поскольку оно соответствовало этим новым перспективам.

Дело усугубляется еще и тем, что русские хронографические сочинения, из которых мы черпаем наши знания о скандинавском присутствии, будь то «Повесть временных лет» или Новгородская первая летопись, были впервые занесены на пергамент отнюдь не в тот период, когда взаимодействие с варягами было особенно интенсивным, но лишь в ту пору, когда оно начало заметно ослабевать. До нас же эти тексты дошли в списках еще куда более поздних, когда такие контакты окончательно отходили в область минувшего и различные их приметы — некогда понятные без объяснений — стали загадочными или неважными. Иначе говоря, письменная традиция парадоксальным образом оказывается одновременно и зеркалом, в котором можно разглядеть контуры интересующей нас проблемы, и барьером, нуждающимся в преодолении.

Сейчас, когда в спорах о том, какую роль скандинавы сыграли в формировании древнерусского государства, сломлено столько копий и накоплено столько ценнейшей информации, можно, как кажется,

отойти на пару шагов в сторону от фигуры основателя династии Рюриковичей и сосредоточиться скорее не на политической, а на культурной составляющей русско-скандинавского взаимодействия. И на этом поприще в XIX—XX столетиях сделано немало, тем не менее язык научного знания, на котором можно было бы говорить об этом предмете, лежащем на стыке филологии и истории, еще не до конца сформирован. Нам представляется, что на данном этапе исследовательская методология должна быть не только и не столько декларативно сформулирована, сколько продемонстрирована в действии.

Именно поэтому отправная точка для каждой главы в данной книге предельно конкретна — всякий раз мы начинаем с небольшого фрагмента из «Повести временных лет» или Новгородской первой летописи, провоцировавшего множество ассоциаций не только у современных исследователей, но и у средневековой аудитории, фрагмента, где проявляется близость русского и скандинавского мира, будь то сходство фабулы, тождество имен или совпадение фактов.

Мы постарались привлечь такой набор эпизодов, чтобы причины этой близости были максимально разнообразны. Так, в одном случае речь идет о прямом и раннем перенесении некоего культурного клише со скандинавской почвы на русскую, клише, настолько удачно прижившегося на новой родине, что едва ли кто-то из книжников XII столетия осознавал его как заимствование. В другом — следует говорить скорее о существовании некоего единого варяжско-русского пространства, в котором перемешаются живые люди, а с ними из страны в страну перемешаются не менее живые исторические предания. В третьем случае удастся проследить, насколько в предхристианскую эпоху у северной знати могли быть близки представления о правовых нормах и о возможности пренебречь ими. Иногда же выясняется, что сходство в описании событий и обрядов вовсе не свидетельствует о взаимодействии двух интересующих нас культурных традиций, однако подобный отрицательный результат, в сущности, оказывается не менее ценен для их сопоставления — мы можем разглядеть, в частности, как по-разному влияли на них более древние книжные и некнижные образцы.

Во всех четырех главах мы стремились не злоупотреблять наложением единой готовой схемы анализа на заведомо разнообразный и многоликий материал источников, но попытались представить несколько моделей исследования, которые могут пригодиться в дальнейших разысканиях.

ПОХВАЛА ЩЕДРОСТИ

В «Повести временных лет» под 971 г. мы находим рассказ о том, как византийский император решил испытать дарами русского князя Святослава Игоревича и что из этого испытания вышло; есть эта история и в Новгородской первой летописи.

Цесарь же созваше бояры своя в полату и рече имъ: «что сътворимъ, яко не можемъ противу ему стати». И рѣша ему бояре: «пошли к нему дары, искусимъ его; любезнивъ ли есть злату и паволокамъ». Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его». Святославу, яко приидоша Грѣци с поклономъ. И рче Святославъ: «введите ихъ сѣмо»; и абие приведоша и. Онѣмъ же слом пришедшимъ и паки поклонившимся ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ «возмѣте, кому что будет». они же поимаша, а слы цесаревѣ, видѣвше тое, приидоша ко цесарю. И съзва царь бояры своя и велможа; рѣша же послании, яко «приидохомъ к нему и не позри на ны, нь толико отрокомъ повелѣ поимати». Рече же единъ от ту предстоящихъ: «царю, искуси единою еще; пошли к нему оружье бранное». Онъ же послуша его, и послаше ему мечъ и иное оружье. Слу же цесареву принесъшо къ Святославу, он же примъ, нача любить и хвалити и цѣловати, [яко самого] цесаря. И приидоша опять къ цесарю, и повѣдаша вся бывшая. И рѣша бояре: «лють сѣи мужъ хочеть бытии, яко имѣниа небрежетъ, а оружие емлет и любит, имѣся по дань» [ПСРЛ, т. III, с. 122–123].

Замечательно при этом, что в скандинавском своде саг о королях Норвегии под названием «Гнилая кожа» (Morkinskinna) рассказывается о том, как аналогичному испытанию подвергается конунг Си-

гурд Крестоносец: есть здесь и двукратное посольство от императора, и емкости с золотом, и нарочито небрежное распоряжение раздать все императорские дары дружинникам, и умение продемонстрировать находчивость в сочетании с могуществом...

Что стоит за этим сходством? Имеем ли мы дело со случайным совпадением, заимствованием из некоего общего источника, реализацией некоторого универсального мотива, с равным успехом воплощающегося в самых разных культурных практиках? Или перед нами пример прямого взаимодействия двух интересующих нас традиций? Чтобы подступить к ответу на данный вопрос, необходимо провести два независимых расследования и не только рассмотреть два этих сюжета подробнее, но и восстановить все их «родственные связи» в дошедших до нас скандинавских и древнерусских памятниках. Связи эти оказываются весьма обильными, многоступенчатыми — небрежение к золоту, щедрость к своим людям многократно запечатлеваются на письме, в частности воспроизводятся вновь и вновь на разных хронологических этапах повествования. Складывается впечатление, что рассказы о Святославе и Сигурде — лишь часть какой-то более обширной традиции оценки правителя, традиции, возможно, достаточно архаичной. Попробуем описать ее более обстоятельно.

1. СКАНДИНАВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

СКУПОЙ — ЩЕДРЫЙ — ДОБРЫЙ

Прозвища и родовая характеристика скандинавских конунгов

Начнем с анализа одного древнего прозвища конунга из династии Инглингов по имени *Хальвдан*, жившего, по-видимому, на рубеже VIII и IX вв. В древнейших скандинавских историографических источниках (таких, например, как «Книга об исландцах» Ари Мудрого, созданная в первой половине XII в.) он называется *Хальвдан Щедрый и Скупой на Еду* (hinn mildi ok matarilli). При этом во многих средневековых сочинениях, прежде всего в «Круге Земном» (XIII в.) и в «Книге с Плоского острова» (начало XIV в.), непосредственно за упоминанием

прозвища конунга Хальвдана следует своеобразный комментарий, где оно разъясняется следующим образом:

Рассказывают, что его люди получили столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Он был очень воинствен, часто ходил в викингские походы и добывал богатство¹.

Появляющаяся в этом комментарии тема *золота* в свое время даже позволила интерпретаторам «Круга Земного» перевести прозвище конунга как «Щедрый на Золото и Скупой на Еду». Как мы увидим ниже, подобный перевод, не будучи буквальным, довольно верно отражает те коннотации, которые связывались с эпитетом «щедрый» (*mildi*), коль скоро он прилагался к правителю.

Если это именование является подлинным прозвищем древнего правителя, то перед нами весьма ранний и ценный пример скандинавского прозвища-формулы, где фигурируют интересующие нас концепты «щедрости» и «скупости». Несколько соображений в пользу если не его аутентичности, то, во всяком случае, архаичности можно привести сразу. Так, следует упомянуть, с одной стороны, множественность источников, в которых это именование представлено, и, с другой стороны, его явную мнемо-поэтическую оформленность. В самом деле, во фразе *hinn mildi ok matari/li*, «щедрый и скупой на

---

¹ ...svá er sagt, at hann gaf þar í mála mönnum sínum jammarga gullpenninga, sem aðrir konungar silfrpenninga, en hann sverti menn at mat. Hann var hermaðr mikill ok var löngum í víkingu ok fekk sér fjár [Hkr., bnd. I, bls. 80; CF, bls. 31; K3, c. 36].

Приведенная характеристика конунга Хальвдана исключительно близка той, что мы обнаруживаем в «Истории Норвегии» (*Historia Norwegiae*), одном из древнейших скандинавских исторических сочинений, составленном на латыни, по всей видимости, в Норвегии или в Исландии в середине XII в. [Ekrem, 1998, S. 8–13, 87]: «Huic successit in regnum filius suus *Halfdan auri prodigus cibique tenacissimus*, stipendiarios namque suos auro donavit eosdemque fame maceravit» [MHN, p. 103]. Отметим, однако, что в этом источнике ни слова не говорится о прозвище конунга Хальвдана, хотя автор «Истории Норвегии» с чрезвычайной последовательностью стремится воспроизводить прозвания (*cognomen*) древнейших норвежских правителей.

еду», присутствует как аллитерация, так и внутренняя рифма, сродни тем, что мы обнаруживаем в скальдических стихах, и это неизбежно наводит нас на мысль, что само прозвище — не что иное, как фрагмент древнего поэтического текста, посвященного конунгу. Эти лежащие на поверхности аргументы ни в коей мере не могут быть признаны исчерпывающими, но мы попытаемся привести целый ряд других данных, свидетельствующих не только о древности этого формульного прозвища, но и о его связях с целым классом формул, бытовавших в средневековой Скандинавии и распространявшихся за ее пределы.

В «Круге Земном» Снорри Стурлусона — самой подробной и, пожалуй, самой авторитетной истории династии Инглингов, составленной в первой половине XIII в., — интересующее нас прозвище фигурирует не только как элемент именованья определенного персонажа, но, несомненно, и как своеобразная характеристика нрава нескольких поколений его прямых потомков. Когда один из них — конунг Хакон Добрый, первый христианин на норвежском престоле — призывал в X в. своих подданных-язычников поститься и чтить святость воскресного дня, те не соглашались:

Но как только конунг возвестил это народу, сразу же поднялся громкий ропот. Бонды роптали на то, что конунг хочет отнять у них их работы, и говорили, что тогда им нельзя хозяйствовать на земле. А батраки и рабы говорили, что, если они не будут есть, они не смогут работать. Есть такой изъян — говорили они — у Хакона конунга и его отца <конунга Харальда Прекрасноволосого. — А. Л., Ф. У.> и всей его родни, что они *скупы на еду, хотя и щедры на золото* (þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli) [Hkr., bnd. I, bls. 189; КЗ, с. 75].

В «Саге о Хаконе» напрямую не говорится, о какой именно родне конунга идет речь, однако современник и читатель Снорри Стурлусона, живущий в мире родовых связей, не мог не вспомнить о том, что отец Хакона Доброго, Харальд Прекрасноволосый († ок. 940 г.), приходился родным правнуком конунгу Хальвдану Щедрому [на Золото] и Скупому на Еду. В ряде источников, например в «Книге об исландцах» Ари Мудрого или «Книге с Плоского острова», этот Хальвдан фигурирует по преимуществу в родословных и известен прежде всего как предок объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого.

Закон же, не наследуя ни имени, ни прозвища прапрадеда, согласно молве, наследует те родовые качества, которые в свое время вызвали к жизни прозвище его предка. Для родового мира Исландии, где перечисление имен и черт характера родичей могло быть в каком-то смысле важнее собственного имени человека, такой подход к делу представляется более чем закономерным. Коль скоро кто-либо из родичей обладал характеризующим прозвищем, у целой череды его потомков оно могло присутствовать, так сказать, в латентной форме, иногда оживая в виде более или менее окказиональной характеристики того или иного родича, а иногда вновь обретая статус устойчивого прозвания.

Иными словами, для носителя родового сознания черты характера, которыми обладал тот или иной член семьи в древности, никуда не исчезают, а лишь проявляются в следующих поколениях с большей или меньшей силой, а следовательно, между характеризующим конунга речением и собственно прозвищем не может быть непроницаемой границы: тот или иной эпитет, та или иная фраза по отношению к предкам и потомкам может использоваться то так, то эдак.

В известном смысле весь цикл рассказов «Круга Земного» о норвежских правителях из рода Инглингов создает образы конунгов, у которых необходимая знатному человеку щедрость зачастую может так или иначе сочетаться с фамильной скуповатостью. Об Олаве Трюггвасоне († 1000 г.) сказано, что на Руси «он был щедр со своими людьми, и поэтому его очень любили»², тогда как о его тезке, Олаве Святом († 1030 г.), Снорри говорит, что тот был «охоч до всякого добра и щедро раздавал его», и при этом вынужден опровергать предание о скупости конунга («незаслуженны упреки в том, что он был скуп (hnöggr) к своим людям. Он был очень щедр (inn mildasti) к своим друзьям»)³. Соправители Харальд Суровый († 1066 г.) и Магнус Добрый († 1047 г.)

---

² Óláfr var örr maðr við sína menn, varð hann af því vinsæll [Нкр., бнд. I, bls. 292; КЗ, с. 110].

³ См. [Нкр., бнд. II, bls. 82, 422; КЗ, гл. 58, с. 196; гл. 181, с. 336]; ср. сходную характеристику Олава, строящуюся на полярных оценках личности конунга: [ÓHLeg., s. 27–28]. Намеки на скупость конунга содержатся и в разговоре исландца Тормода Скальда Черных Бровей с Олавом Святым (см. [ÓHLeg., s. 53]).

фигурируют в королевских сагах как носители двух противоположных качеств: Магнус — безусловной щедрости, а Харальд — парадоксальной смеси щедрости и вполне заметной скупости⁴.

Сын Харальда Сурового, конунг Олав Тихий († 1093 г.), наделяется в сагах не только миролюбием (отчасти в противовес своему отцу), но и выдающейся щедростью:

...со времен Харальда Прекрасноволосого при жизни и правлении ни одного конунга не было так хорошо в Норвегии и так благополучно. Конунг Олав был снисходителен ко многим вещам, за которые конунг Харальд, его отец, брался со всей резкостью и продолжал в том же духе. Он <Олав конунг. — А. Л., Ф. У.> был щедр на золото и серебро и другие драгоценности и сокровища (*milldr af gylli oc silfri oc odgom gorom grírom oc gersimom*), но он твердо управлял государством. Все это благодаря его мудрости и знанию того, что во благо для державы. Можно перечислить многие его деяния, которые были хороши и соответствовали королевскому достоинству⁵.

Характеристики братьев-соправителей, Сигурда († 1130 г.) и Эйстейна († 1123 г.), внуков Олава Тихого, строятся на их последовательном сравнении друг с другом. Это сопоставление есть не только в «Круге Земном», но и, например, в «Гнилой коже», причем братья не столько сопоставляются, сколько противопоставляются друг другу⁶.

⁴ Ср., например, «Но конунг уклонялся от оплаты долгов и не любил, когда ее от него требовали» (*En konvngr fert helldr vndan vm gialdit oc þiccir ecki betr er hann heimtir*) [Mork., bls. 153]. О скупости этого конунга на еду см. также ниже, примеч. 60.

⁵ См. [Mork., bls. 291]; ср. также: [Ágr., bls. 42], где наряду с *щедростью на золото и серебро* отмечается особая привязанность конунга к земле (напомним, что другим прозвищем Олава Тихого было Олав Бонд).

⁶ В сагах это противопоставление наиболее полно воплощено в рассказе об игре, которую конунг Эйстейн затеял со своим братом. В этой игре конунги сами должны были сравнивать себя друг с другом:

Тогда Эйстейн конунг сказал:

— За пивом часто бывало в обычае, что люди выбирали себе кого-либо для сравнения с ним. Пусть и тут будет так.

Сигурд конунг промолчал.

Сигурд воюет в чужих землях и добывает себе мировую славу, в то время как Эйстейн остается дома и занимается внутренним устройством державы, исправлением законов и строительством церквей. Сигурд хвастается богатством, добытым в походах, а Эйстейн добром, накопленным благодаря разумному ведению дел в стране. Даже умения и искусства, которыми гордятся братья, различны (один лучше умеет плавать, а другой бегать на лыжах и т.д.).

Однако есть добродетель, на которую в равной степени претендуют оба брата и которая в сагах приписывается и тому, и другому, — это приличествующая конунгу *щедрость*. Примечательно, в частности, что в «Гнилой коже» конунг Эйстейн характеризуется как «щедрейший на имущество, добро» (enn mildasti af fé) [Mork., bls. 353f.], тогда как в «Круге Земном» так (mildr af fé) называется конунг Сигурд ([Hkr., bnd. III, bls. 287; K3, c. 488–489]; ср. [Klingenberg, 1999, S. 381]), при этом в обоих текстах щедрость и другие достоинства каждого из братьев восхваляются разными способами неоднократно.

Вообще говоря, оценка щедрости правителя — почти обязательный компонент его саговой характеристики⁷. При этом то, что в формуле или прозвище выражается лаконично и однозначно, в нарративе может трансформироваться в куда более сложное построение. Однако общая модель, задаваемая формулой, остается неизменной: конунг должен быть щедр. Иногда он бывает щедр и скуповат одновременно, но полная скупость, никак не уравновешенная щедростью, — это настолько существенный изъян, что он перевешивает все его прочие достоинства и добродетели. Для повествователя скупость к своим людям оказывается вполне достаточной мотивацией для объяснения неуспеха и падения конунга.

— Я вижу, — говорит Эйстейн, — что начинать потеху придется мне. Я выбираю, брат, тебя для сравнения со мной. Я делаю это потому, что у нас с тобой одинаковое звание и одинаковые владения и как по происхождению, так и по воспитанию между нами нет разницы [Hkr., bnd. III, bls. 290–292; K3, c. 490–492].

⁷ О характеристиках конунгов в сагах см. [Marold, 1989, S. 399–425; Kreuzer, 1994; Bagge, 1996; Klingenberg, 1999; Kreuzer, 1999, S. 85–110; Ármann Jakobsson, 2000, p. 71–86] с указанием литературы.

Пожалуй, наиболее яркий пример сюжетного построения такого рода — рассказ о конунге Эйстейне († 1157 г.), сыне Харальда Гилли. Этот конунг, убитый в междоусобной войне со своими братьями и, судя по всему, почитавшийся святым, описывается как человек безусловно мужественный, «умный и понятливый», однако в сагах последовательно, почти при всяком упоминании Эйстейна проводится мысль о его «скупости и жадности» [Ágr., bls. 78; Mork., bls. 445; Нкр., bnd. III, bls. 378, 379; КЗ, с. 529]. Именно эта скупость и привела к тому, что люди отвернулись от него в решающий момент⁸.

Иными словами, во всей саговой традиции (а не только в «Круге Земном» Снорри Стурлусона) право на некоторую скуповатость порой допускается, если не признается, за Инглингами как родовая черта, однако в куда большей мере традицией налагается на них обязанность родовой щедрости (необходимой, впрочем, практически для всякого правителя). Формульное прозвище Щедрый [на Золото], Скупой на Еду оказывается как бы квинтэссенцией этой родовой характеристики и родовых требований: оно указывает как на то, чего люди вправе ожидать от своего конунга, так и на то, с чем они до определенной степени готовы мириться.

Способность прозвища актуализировать родовые качества хорошо прослеживается и на примере прозвания упоминавшегося выше конунга Хакона († ок. 960 г.) — Добрый (hinn góði). В интерпретации Снорри это прозвище в первую очередь связывается с тем, что он не только возвратил бондам их земли, некогда отнятые его отцом, но и установил законы, в соответствии с которыми люди могли пользоваться землей и другим имуществом.

При этом оказывается, что прозвище конунга Хакона может быть унаследовано тем из его потомков, кто примет за образец его обычаи

⁸ Скупость как одна из основных причин неуспеха конунга выдвигается, например, и в рассказе о правлении Олава Голода († 1095 г.), сына Свейна, в «Саге о Кнютлингах» (ср.: «...hann var bæði ágjarn ok fégjarn» [Knytl., bls. 164]). Однако здесь, как это нередко бывает, *скупость* и *алчность* становится лишь наиболее отталкивающей чертой и без того малосимпатичного правителя. Существенно вместе с тем, что именно по признаку скупости Олав Свейнссон оказывается особенно резко противопоставлен своему брату и преемнику Эйрику Доброму († 1103 г.), о характеристике которого см. ниже, примеч. 13.

в управлении страной. Таким конунгом становится, согласно повествованию Снорри, Магнус, сын Олава Святого, правивший Норвегией в середине XI в. Первоначально Магнус Олавссон не был обладателем прозвища Добрый, более того, в первые годы царствования он, преследуя врагов своего отца, конфискуя имущество и истребляя их скот, заслужил недовольство подданных. Они обвиняли его, в частности, в том, что он нарушает законы, установленные Законом Добрым. Лишь впоследствии, когда Магнус внял советам своего старшего друга, скальда Сигвата († ок. 1045 г.)⁹, который приводил ему в пример именно конунга Хакона, «...законы были приведены в порядок... Магнус конунг приобрел в народе любовь. С тех пор стали звать его в народе Магнусом Добрым»¹⁰.

Немаловажно, что в «Круге Земном» и в саговой традиции в целом сохранялись два прозвища «прототипа» Магнуса, конунга Хакона: он упоминается не только как Хакон Добрый, но и как Хакон Воспитанник Адальстейна (Этельстана, † 940 г.), причем это последнее его прозвище связано с детскими годами будущего конунга, когда он, последний сын Харальда Прекрасноволосого, был отдан на воспитание англосаксонскому королю. Прозвище же Добрый является благоприобретенным, полученным уже в годы правления, и рассказ Снорри о том, как Хакон обустроил Норвегию, с большой вероятностью (хотя в саге напрямую этого не говорится) призван объяснить появление этого нового прозвища *hinn góði* у конунга.

Таким образом, во всем пространстве повествования Снорри (а рассказ о Магнусе Добром довольно далеко отстоит в «Круге Земном» от рассказа о Хаконе Добром) последовательно реализуется мысль о том, что способность устанавливать хорошие законы и добрый порядок в стране, присущая Инглингам, а по-видимому, и достойному правителю вообще, претворяется у некоторых из них в устойчивое

⁹ Судя по всему (и это весьма немаловажно для истории прозвища), Сигват был крестным отцом Магнуса. Во всяком случае, в «Круге Земном» содержится знаменитый рассказ о том, что именно Сигват нарек сына Олава Святого именем Магнус. См. подробнее [Успенский, 2001, с. 21–26].

¹⁰ ...ok sömdu þeir þá lög sín... Magnús konungr gerðisk vinsæll ok ástsæll af öllu landz-fólki; var hann fyrir þá sök kallaðr Magnús inn góði [Hkr., bnd. I, bls. 33–34; K3, с. 388].

прозвище — Добрый. Тем самым Снорри дает определенное истолкование этого прозвища, которое едва ли можно назвать неправильным, но при этом трудно признать исчерпывающим.

В самом деле, исследователи давно уже обращали внимание на многозначность эпитета *góðr*, «добрый», в письменных памятниках эпохи викингов — рунических мемориальных надписях¹¹. Применительно к людям некоролевского происхождения в значении этого слова обычно выделяются компоненты «хорошего рода», «знатный», «родовитый» и даже «приближенный к правителю». Однако, коль скоро речь о конунгах, все эти качества присущи любому из них имманентно и не нуждаются, казалось бы, в специальном подчеркивании с помощью прозвища. Какие же коннотации нес в себе эпитет «добрый», использованный по отношению к правителю (а такое использование было в Скандинавии относительно частым, ср. [Lind, 1920–1921, S. 114])?

Если мы на некоторое время отвлечемся от персонажей «Круга Земного» и других саг о норвежских конунгах, то увидим, что в датской традиции «добрым» именуется прежде всего конунг Эйрик († 1103 г.), сын Свейна Эстридссона¹². При этом в «Саге о Кнютлингах» своего рода объяснением данного прозвища служит описание исключительной щедрости этого правителя.

Он был щедр на богатство (*ögg af fé*) как с хёвдингами, так и со своей дружиной и раздавал множества добра (*veitti stórfé*) в качестве дружеских даров всем тем людям, которые к нему приходили, и более всего тем, кто приходил совсем издалека. Он был щедр на богатство (*ögg af fé*) с малоимущими людьми, если они к нему обращались. Вскоре народ полюбил его. Он был прозван Эйриком Добрым,

¹¹ См. [Wulf, 1989; Hershend, 1998; Sawyer, 2000, p. 107–111; Sawyer, Sawyer, 2001, p. 370–383; Christiansen, 2002, p. 60–61].

¹² Существует уникальное свидетельство, где прозвищем Добрый наделяется и знаменитый креститель Дании конунг Харальд Синезубый († ок. 987 г.). Именно так он назван в рунической надписи на поминальном камне, который его жена Това поставила по своей матери (вторая половина X в.): «Това, дочь Мстивоя, жена Харальда Доброго, сына Горма, велела сделать этот памятник по своей матери» (*tufa • IEt • kaurua • kubl|mistiuis • tutir • uft • muþur | sina • harats • hins • kupa • kurms | kuna | sunaR*) [DR, s. 94–95, No. 55].

и многие люди говорили, что это — подходящее для него прозвище (*sannnefni*), ибо все, кто приходил к нему, убедились, что получили от него [все] блага¹³.

Канву для этой панегирической характеристики создает приведенная здесь же в саге строфа скальда Маркуса Скеггьясона из хвалебной песни в честь конунга Эйрика¹⁴. Именно щедрость конунга Эйрика Доброго в первую очередь противопоставляет его, хорошего правителя, старшему брату, конунгу Олаву, правителю, несомненно, дурному, с весьма характерным с точки зрения нашего исследования прозвищем Голод, как бы контрастным по отношению к прозвищу его младшего брата¹⁵.

¹³ См. [Knútl., bls. 167]. Свен Аггесен (XII в.) называет Эйрика He(n)gicus Bonus, в других же датских источниках этот сын Свейна Эстридссона называется иногда «Неизменно, всегда добрый» (Egoth) [VSD, p. 189]; интерпретацию этого прозвища, связанного, по преданию, с исключительно благополучным правлением этого конунга и его популярностью у народа, см. также в: [GK, S. 102–103, 170–171]. Весьма сходная интерпретация прозвища Эйрика есть и у Саксона Грамматика († ок. 1220 г.).

¹⁴ «Дружинники получили богатство от князя; щедрый вождь дал мечи и корабли; Эйрик часто и обильно раздавал янтарь руки [= золото] выдающимся мужам; отважный в битве разбрасыватель клада разрушенных колец и председательствующий на престоле Фроди [= конунг] настолько продвигал мужей (т.е. содействовал мужам? воздавал им почести?), что многие благодаря ему сделались хороши (т.е. улучшили свое положение?)» (Drengir þógu auð af yngva / örg fylkir gaf sverð ok knörru; / Eiríkr veitti opt ok stórum / armleggjar rōf dýrðar seggjum. / Hringum eyddi hodda slöngvir / hildar ramr, en stillir framði / fyrða kyn, svát flestir urðu, / Fróða stóls, af hÓnum góðir). О традиционной скальдической теме щедрости и раздачи даров конунгом, которая в слегка модифицированном виде присутствует только в этой строфе хвалебной поэмы скальда Маркуса Скеггьясона, см. подробнее: [Jesh, 2003, p. 271–272].

¹⁵ Впрочем, нет данных, что Олава Свейнссона называли так при жизни, его прозвище (*Famelicus*) упоминается в гл. 12 истории Свена Аггесена, где сказано, что он был прозван так, поскольку в годы его правления был сильный неурожай. Ср. также: [VSD, p. 129–130; SmHD, t. I, p. 24; Роскильская хроника, с. 333; SmHD, t. II, p. 23]. Прозвище *Hunger* появляется в датских анналах XIII в. [Kroman, 1980, S. 163]; ср. [GK, S. 44, 45, 102, 169, 170, 225].

Если же мы будем в саговой традиции отыскивать некое олицетворение щедрости среди норвежских конунгов, то нам вновь придется обратиться к фигуре Магнуса, сына Олава Святого¹⁶. Здесь следует говорить не только о той щедрости, которая требовалась от правителя уже в силу его статуса, но о некотором почти абсолютном стремлении раздавать, а не стяжать богатство. Принимая во внимание, что Магнус, как и Эйрик, сын Свейна, был прозван Добрым, у нас появляются основания говорить, что в семантике королевского прозвища (*hinn góði*, «добрый»), отчетливо присутствует глубинный и, судя по всему, достаточно архаический компонент, связанный с особенной щедростью, раздачей добра.

Иными словами, прозвище Добрый в каком-то смысле было отчасти тождественно прозвищу Щедрый. Косвенным свидетельством в пользу такого (вообще, на наш взгляд, вполне очевидного) вывода является и то, что, будучи достаточно распространенными прозвищами знатных людей, прозвища *mildi*, *örvi* (щедрый) как таковые не употреблялись по отношению к скандинавским правителям, жившим в историческую эпоху, хотя именно для них щедрость в традиции была неотъемлемой сущностной характеристикой. Тем не менее устойчивое именование *mildi*, *örvi*, *giafmildi*¹⁷ прилагается только к иноземным правителям (Балдуин Фландрский, император Генрих, Людовик Благочестивый) или легендарным конунгам (датские конунги Фроди, Гаутрек, Краки и Вальдар) [Lind, 1920–1921, S. 257, 414]. Иначе говоря, подобным прозвищем из всех правителей наделяются лишь те, чей индивидуальный облик в известном смысле скрыт от аудитории саги. Главное, что о них известно, это то обстоятельство, что они обладают королевским достоинством, а следовательно, согласно той модели,

---

Замечательно, что такие антонимические прозвища братьев в скандинавской традиции не единичны. Так, мы знаем двух братьев исландцев, живших в X в., одного из которых звали Арнор Добрый (*inn góði*), тогда как другого — Торарин Злой (*illi*) [Ldn., bls. 197]. Не исключено, что и прозвища двух соправителей — Магнуса Доброго и Харальда Сурового — также тематически связаны между собой (см. подробнее об этом: [Успенский, 2004, с. 46–47]).

¹⁶ Некоторые ключевые для нас примеры его исключительной щедрости приводятся нами ниже.

¹⁷ Древнеисландское слово *giafmildi* обозначает «щедрый на дары».

которая принята в скандинавской традиции, оказываются носителями такого качества, как щедрость. Прозвище в подобных случаях служило чем-то вроде стандартного расширителя титула, призванного подчеркнуть, что этот персонаж королевской крови освоен саговой традицией.

Собственным же конунгам, правившим в христианскую эпоху и во времена, непосредственно к ней примыкающие, при такой дистрибуции доставалось прозвище (*h*)*inn góði*, которое с достаточной степенью условности и необходимыми оговорками можно перевести как «добрый», учитывая при этом коннотации, связанные с родовитостью, знатностью, а также и коннотации, связанные с концептом щедрости в качестве неотъемлемого элемента подобной «доброты».

Если мы вновь обратимся к примеру, с которого начали наш рассказ о скандинавских прозвищах, то увидим, что и термин *mildr* был допустимым в составе именованя конунгов, если только оно не ограничивается одной лексемой, т.е. в составе прозвища-формулы Щедрый [на Золото], Скупой на Еду (*hinn mildi ok matarilli*)¹⁸. Очень показательно при этом, что качество, противоположное щедрости, — скупость — обозначено с помощью компонента *illr*, «злой, скверный, дурной», прямого антонима слова *góðr*, «добрый, хороший». Это лишний раз подчеркивает как сам тезис о близкой синонимии, почти тождественности эпитетов *góðr* и *mildr*, так и предположение о наличии некоторого функционального распределения между ними в прозвищах.

Можно допустить, что прозвище конунга Хакона (а вслед за ним и конунга Магнуса), Добрый, должно было воспроизводить только положительную, комплиментарную часть сложного прозвища их отдаленного предка Хальвдана — оно должно было подчеркивать их щедрость без каких-либо ограничений. В таком случае (*h*)*inn góði* оказывается наиболее уместным соответствием эпитета *mildi* из прозвища пращура.

---

¹⁸ Отметим, впрочем, что в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона этот конунг Хальвдан единожды назван просто Хальвданом Щедрым (*ens mildi*) [SnE., S. 140], однако в «Круге Земном», да и в средневековых текстах в целом он именуется развернутым прозвищем, так что можно допустить, что в «Младшей Эдде» Снорри попросту дает нечто вроде краткого, усеченного варианта общеизвестного прозвища.

*

Итак, интересующее нас пространное прозвище, упоминаемое рядом с именем конунга Хальвдана, с одной стороны, является аллитерирующим, поэтически оформленным текстом; с другой стороны, очевидно и его родство с немалым числом саговых характеристик правителей. Более того, это развернутое именование так или иначе подчинено более общим тенденциям формирования корпуса королевских и некоролевских прозвищ у скандинавов. Описания родовых черт Инглингов, связанных с этим прозванием, и целую россыпь прозвищ прочих конунгов, в той или иной степени ассоциирующихся с ним по смыслу, можно обнаружить в разных источниках, входящих в состав самых различных кодексов, так что у нас нет, кажется, оснований опасаться, что прослеженная нами система связей целиком вышла из-под пера одного позднейшего автора.

Все это позволяет предположить, что прозвище Щедрый, Скупой на Еду и в самом деле принадлежит древней эпохе, условно говоря, эпохе Инглингов до Харальда Прекрасноволосого († ок. 940 г.). Еще одним аргументом в пользу аутентичности этого речения-прозвища служит тот факт, что по мере его исследования у нас накапливается довольно много разительно сходных с ним двучленных речений-характеристик, что побуждает нас остановиться подробнее на концептах, которые в этих характеристиках задействуются, и на их структурной организации.

ЗОЛОТО И УГОЩЕНИЕ, НАГРАДА И ОТПЛАТА

Синтез и антитеза в панегирических формулах

В рассказах о конунге Хаконе Добром, который унаследовал от своих предков характеризующее речение «щедрый на золото, скупой на еду», отчетливо прослеживается формульная связь между *щедростью* как таковой и мотивом *угощения*, *еды* (прежде всего ритуальной). Как известно, будучи вынужденным участвовать в жертвенном пире в Хладире, конунг Хакон перекрестил свой кубок, прежде чем отпить из него. В ответ на недовольные вопросы пирующих сподвижник конунга, язычник ярл Сигурд, объяснил, что конунг посвятил свой кубок

Тору, сделав над ним знак молота. Существенно, что Хакон отказывается на этом пире есть конину и по совету того же Сигурда соглашается лишь разинуть рот над дужкой котла, предварительно набросив на него платок. На другом пире конунг лишь под угрозой применения силы соглашается съесть немного конской печенки¹⁹.

Разумеется, во всех упомянутых случаях подданные стремятся принудить Хакона к участию в ритуальной трапезе в первую очередь благодаря ее символическому значению²⁰. Они не хотят принимать новую веру и желают, чтобы конунг придерживался древних обычаев. Однако в этих рассказах проскальзывает и другая составляющая, тесно связанная с символической ролью жертвоприношения во время пира. Могущество и достоинство человека во многом определялось тем, сколь велик был его вклад в жертвенные пиры, насколько обильными были еда и питье на тех праздниках, которые он устраивал. Так, об уже упоминавшемся хладирском ярле Сигурде говорится:

...он совершил то, что доставило ему большую славу: он дал большой жертвенный пир в Хладире и взял на себя все затраты²¹.

В тексте Снорри Стурлусона, посвященном Хакону Доброму, «еда» (*matr*) и «мощь, могущество» (*máttgr*), равно как и производные от этих слов, употребляются таким образом, что порой весьма напо-

---

¹⁹ Согласно свидетельству «Обзора саг о норвежских конунгах», памятника, составленного значительно ранее, чем «Круг Земной», конунг Хакон, прежде чем откусить от конской печенки, тщательно обернул ее в ткань [Ágr., bls. 7–8].

²⁰ Рассказы Снорри о том, как конунг Хакон Добрый пытался соблюдать и распространять в языческой Норвегии христианские обычаи, чрезвычайно интересны, так как здесь Снорри демонстрирует, каким образом одни и те же предметы, ритуальные действия и понятия осмысляются в различных перспективах, в зависимости от того, кто о них говорит, христианин или язычник. Кроме того, Снорри показывает, как в эту предхристианскую эпоху человек хитроумный и изворотливый может с большим или меньшим успехом лавировать между перспективой язычника и перспективой христианина.

²¹ hann gerði þat verk, er frægt var mjök, at hann gerði mikla veizlu á Hlödum ok helt einn upp öllum kostnaði [Hkr., bnd. I, bls. 189; K3, c. 75].

минают фрагменты сложившихся аллитерирующих формул²². Нежелание устраивать жертвенные пиры наносит прямой ущерб могуществу и репутации правителя, обвинение в «скупости на еду» считалось столь веским, что зачастую ставило под сомнение его право на высокий статус и самый титул конунга²³; для того чтобы счесть такого правителя достойным, в применяемой к нему характеризующей формуле необходим уравнивающий антитетический компонент, который подчеркивал бы его исключительную щедрость в другой, не менее существенной для правителя сфере.

Вторым таким уравнивающим компонентом, из которого складывается образ идеального могущественного правителя, была, как можно понять из приведенных выше примеров, щедрость в раздаче золота своим сподвижникам, прежде всего своей дружине. По всей видимости, формула, восхваляющая конунга, ярла или знатного бонда, могла содержать похвалу без оговорок, провозглашать, что восхваляемый хорош как в одном, так и в другом, как в раздаче золота, так и в раздаче еды, ритуального угощения.

²² Ср., например: *kurrúðu boendr... ok sagði, at við þat mátti landit eigi byggva... ok þrælar kölluðu þat, at þeir mátti eigi vinna, ef þeir skyldi eigi mat hafa... þat var skaplöstr Hákonar konungs ok föður hans ok þeira frænda, at þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli* (см. [Hkr., bnd. I, bls. 189]). В этой саре из «Круга Земного» речь безымянных бондов, так сказать, «глас народа» на различных собраниях, уснащена паремийными конструкциями и устойчивыми (зачастую аллитерирующими) сочетаниями. Ср., например, «Мы, бонды, думали... что мы схватили небеса руками (*vér hefðim þá höndum himin tekit...*)».

²³ В этом отношении весьма выразителен обрамляющий прозаический рассказ, с которого начинаются «Речи Гримнира». Один и Фригг спорят о судьбе своих воспитанников — Агнара и Гейррёда. Один упрекает воспитанника Фригг в том, что тот (Агнар) народил детей в пещере с великаншей. Воспитанник же Одина, Гейррёд, к этому времени стал конунгом. На это Фригг отвечает, что Гейррёд «так скуп на еду (*matníðingr: mat* — «еда, пища», *níðingr* — часто употребляемый, например, в праве термин со значением «злодей, негодяй»), что морит голодом своих гостей, если ему кажется, что их слишком много пришло» [Gfm., s. 55; СЭ, с. 35]. Один отвергает это обвинение, однако сам отправляется проверить, как обстоит дело. При этом составитель текста добавляет: «Было величайшей неправдой, что Гейррёд — скуп на еду (*Geitgöðr væri eigi matgóðr*)» [Ibid.].

Разумеется, при всей частотности сочетания «еда/золото» его компоненты могут появляться по отдельности, образовывать двучленные структуры и с другими концептами. Основообразующая лексика таких панегириков варьируется от формулы к формуле, в пределах одного традиционного набора взаимозаменяемых слов, весьма близких друг другу по значению (*mildr, góðr, örr*). Подобные панегирические формулы, в которых качества восхваляемого не противопоставлены друг другу, а сочетаются при помощи присоединительной связи, встречаются, например, в рунических надписях эпохи викингов. Так, тема еды возникает в нескольких поминальных текстах XI в., в частности в надписи из Хагстюган, где некий Домар, павший на Руси, назван «милостивым на слова и щедрым на угошение» (*miltan urþa uk mataR kuþan*)²⁴. Вместо золота здесь фигурируют «слова, речи», однако «любезность в речах» описывается с помощью той же многозначной лексемы *mildr*, что и щедрость на золото.

Этот текст, как и подобные ему, важен для нас сразу по нескольким причинам. Во-первых, рунические надписи высекались по свежим следам, относительно скоро после кончины названного в них человека. Таким образом, мы можем быть уверены, что панегирик и его адресат не разделены промежутком в несколько столетий и похвала не была домыслена в другую эпоху. Во-вторых, поскольку в нашем распоряжении есть далеко не один фрагмент такого рода, мы можем с достаточным основанием утверждать, что по крайней мере к XI в. интересующий нас отрезок текста обладал внутри самой скандинавской

²⁴ Кроме того, покойный характеризуется как «щедрый на еду и красно-речивый» (*matar goðr ok malrisinn*) на камне из Värpeby в Veckhol'e (Упланд, Швеция, Ur. No. 703), в поминальной надписи из Krageholm'a (Sövestad, Дания) усопший назван «самым лучшим хозяином и щедрейшим на угошение» (*beztir bomanna ok mildastr matar*) [DR, No. 291]. См. также надписи из Ryssby и Ivla (Småland), где также присутствует выражение *matar goðr*, «щедрый на угошение». Ср. [Jansson, 1984, S. 131ff.; Wulf, 1989, S. 111; Gustavson, Snædal, Åhlén, 1992, S. 165–166; Brink, 2008, p. 26–27].

Замечательно, что весьма сходный оборот встречается в «Речах Высокого» из «Старшей Эдды» — «не знаю радушных (милостивых) / и щедрых <букв. «щедрых на угошение». — А. Л., Ф. У.>, что стали б / дары отвергать...» (*fannka ek mildan mann / eða... matar góðan...*) [Háv. 39; СЭ, с. 19].

традиции статусом формулы. Более того, эти формулы, варьирующие тему еды и щедрости, оказываются поэтически организованным текстом, содержащим аллитерирующие компоненты, что делает их укорененность в местной культуре еще более очевидной.

Небезынтересно при этом, что в саговом изложении Снорри характеристика конунга как *щедрого и на золото, и на еду* может довольно причудливым образом инкорпорироваться в текст, растворяться в нем так, что ее формульный характер становится заметным лишь аудитории, которая хорошо знакома с традицией восхваления правителя. Таков, например, рассказ о смерти Тормода Скальда Черных Бровей († 1030 г.) после знаменитой битвы при Стикластадире.

Смертельно раненный Тормод в конце концов нашел приют у некоей лекарки. Согласно саге, он «снял золотое обручье (gullhring) с руки, отдал лекарке и сказал, что она может делать с ним что захочет.

— Это хороший подарок, — говорит он, — Олав конунг подарил мне это обручье сегодня утром.

После этого Тормод взял клещи и вытянул из раны наконечник стрелы. На его крючьях зацепились волокна сердца, одни красные, другие белые. Увидев их, Тормод сказал:

— Хорошо кормил нас конунг! Жир у меня даже в сердце (Vel hefir konungrinn alit oss, feitt er mér enn um hjarta-rœtr).

Тут он упал навзничь мертвый. Здесь кончается рассказ о Тормоде» ([Hkr., bnd. II, bls. 503–504; КЗ, с. 367]; ср. [SÓH, bnd. I, s. 586]).

В этом рассказе золотое обручье, подаренное скальду Олавом Святым, появлялось не раз, но именно последняя речь Тормода оказывается изысканной вариацией характеризующей формулы * «щедрый на золото и на еду». Принимая во внимание общие принципы построения нарратива у Снорри, можно допустить, что в основе этого эпизода лежали некие скальдические строки, вовсе не обязательно созданные именно по этому поводу, но достаточно древние и авторитетные с точки зрения составителей саг²⁵.

---

²⁵ Этот эпизод присутствует не только в тех сагах, которые составил Снорри, но и в «Легендарной саге об Олаве Святом» (см. о нем ниже), и всюду цитируются отдельные висы самого скальда Тормода, служащие опорой для

Все сказанное едва ли означает, что формулы, построенные на антитезе (такие, как «щедрый [на золото], скупой на еду»), являются поздними. Напротив, куда более вероятным нам представляется, что оба принципа — соединительный и противопоставляющий — используются одновременно. Можно было бы допустить, что в лингвистической перспективе формула, использующая принцип присоединения, в каком-то смысле первична, а та, что построена на антитезе, является производной и может существовать постольку, поскольку уже существует первая.

Однако в историко-культурной перспективе, коль скоро речь идет о панегирических конструкциях, эти первичность и производность оказываются в высшей степени условными. В любом доступном нам хронологическом срезе, обнаруживая один из этих типов формул, мы с равной вероятностью находим в готовом виде и другой. При этом, с точки зрения исследователя, занимающегося миграцией формул, речения с четкой антитетической структурой, пожалуй, даже более показательны. Действительно, панегирическая фраза, восхваляющая как гостеприимство, так и щедрость правителя, может возникнуть едва ли не в любой культурной традиции, и доказать, что в том или ином случае она заимствуется одним народом у другого, достаточно трудно. Всегда остается вероятность, что перед нами своего рода общее место, хотя и в таких случаях синтаксическое сходство, сходство в структуре фразы или нетривиальность лексических средств иногда позволяют проследить некую специфическую общность ее употребления в сопредельных культурах.

Речения же, где одно качество восхваляемого противопоставлено другому, встречаются заметно реже, и, если в какой-либо традиции подобные конструкции являются автохтонными и зафиксированы

построения сюжета. В этих строках нет непосредственного упоминания ни о золотом обручье, ни о «волоках жира». Поскольку мы располагаем лишь отдельными висами Тормода, мы с равным успехом можем допустить и то, что традиционная для скальда похвала щедрости конунга непосредственно присутствовала в непроцитированной части его стихов и была «пересказана» составителями саг, и то, что этим расширением сюжета мы обязаны самим авторам прозаического текста, опиравшимся на весь корпус скальдической поэзии в целом.

в качестве устойчивой формулы, они становятся ее отличительной характеристикой, своеобразной визитной карточкой. Появление аналогичной фразы в другой культуре едва ли можно счесть случайным совпадением. У нас уже есть все основания говорить о взаимодействии и взаимовлиянии.

Панегирические двухкомпонентные формулы — присоединительные (синтетические) и противительные (антитетические) — теснейшим образом связаны, легко трансформируются друг в друга и зачастую служат для выражения тождественного содержания. Эта последняя, на первый взгляд парадоксальная способность в действительности довольно естественна: для той архаической проториторики, с которой мы имеем дело у скальдов и в рунических надписях, самыми главными являются два инструмента, две структуры — простое присоединение и элементарное противопоставление. Своеобразной демонстрацией риторического умения автора оказывается, например, способность облекать похвалу в форму сравнения, а то и придавать ей сугубо формальное, внешнее сходство с хулой, и это умение со временем неизбежно превращается в своего рода канонический прием. Как мы увидим ниже, на материале формул, использующих концепты золота, угощения и щедрости, это явление прослеживается очень хорошо.

*

В целом же можно сказать, что, продвигаясь эмпирическим путем, от примера к примеру, мы смогли яснее обрисовать контуры интересующего нас предмета. Очевидно, например, что наши формулы проявляют достаточно своеобразное сочетание гибкости и жесткости. Концепты, в них используемые, допускают лишь ограниченное варьирование, в то время как структура этих речений, в принципе легко вычленимая, обнаруживает существенный потенциал амбивалентности. При этом, занимаясь формальными характеристиками наших микротекстов, мы должны были обращать внимание и на относительную хронологию их бытования. В такой перспективе для нас оказывается весьма существенным, в какую эпоху и в недрах какого жанра наши речения сложились и приобрели устойчивый характер.

СКАЛЬДЫ И САГИ

Автохтонность формулы и механизмы ее распространения

Напомним, что одна из отправных точек нашего рассказа — время Хакона Доброго (X в.). О том, что его при жизни характеризовали как «скупого на еду», хотя и «щедрого (на золото)», мы знаем лишь из рассказа Снорри Стурлусона, записанного в XIII в. О том же, что он обладал прозвищем (h)inn góði, в котором присутствовали коннотации, явно связанные с щедростью, нам известно из целого ряда письменных памятников, но все они были составлены значительное время спустя после его смерти. Вместе с тем мы располагаем скальдической висой современника конунга Хакона — Эйвинда Погубителя Скальдов, где именно Хакон характеризуется как «милостивый к войску (людям), а не к золу» (gumnum hollr ne gollu) [Hkr., bnd. I, bls. 215; КЗ, с. 84].

Остановимся на этой характеристике подробнее. Перед нами не что иное, как еще одна устойчивая формула похвалы правителю, явным образом построенная на антитезе и вводящая, как и прозвище прапрадеда Хакона, конунга Хальвдана, тему золота. При этом, как нетрудно заметить, содержательно характеристика Хакона Доброго в скальдическом стихе организована несколько иначе, чем тот микро-текст, который служил прозвищем его предку. В прозвище Хальвдана упоминаются два качества, одно из которых призвано умножить достоинство конунга, тогда как другое — явно умалить его. Поэтическая же характеристика Хакона, насколько мы можем судить по дальнейшей истории этой формулы, целиком позитивна: конунгу пристало добывать золото, но не накапливать, не любить его, а раздавать своему окружению и прежде всего войску или дружине.

Золото было своего рода олицетворением дара, объединяющего дарителя и одариваемого отнюдь не только практической, но и ритуальной, мистической связью. В частности, даря золото, конунг делился своей удачей. О том, насколько важным элементом в саговой традиции характеристики конунга была щедрость, мы уже отчасти говорили выше.

Существенно, что здесь составители саг, по-видимому, вторили скальдам, развивая и пересказывая в прозе то, что уже было задано

стихом. В этом отношении очень характерна концовка «Саги об Олаве Тихом» из «Гнилой кожи», где прозаическая похвала щедрости этого конунга сопровождается целым шквалом панегирических вис, посвященных все той же добродетели. Завершая сагу, составитель «Гнилой кожи» замечает:

Часто подтверждалось то, что говорилось прежде, что Олав конунг был некуп на раздачу добра людям (*var óhnögr af fegiofvm víþ menn*) и он дарил всякого рода драгоценности, как говорит скальд Стейн <сын Хердис. — *А. Л., Ф. У.*>.

Здесь же он немедленно приводит соответствующую поэтическую строфу:

Великодушный столп княжеского рода отдает высоко окованные броней корабли и разукрашенные [торговые] суда: он хочет отречься от своей скупости (*hann vill synia hnögvi sinnar*). Люди принимают Олавовы богатства; взгляни, какой другой конунг раздает такое добро (*fé*) мужам²⁶.

Вслед за этим без всякого перерыва следуют еще три висы:

Щедрый на сокровища (*hoddörr*) князь войска, который обагрят наконецники (копий/стрел), радует дружинников кольцами; вождь заставляет мужей восхищаться дарами (*fagna gjöfum*). Деятельный конунг Норвегии обильно воздает норвежцам; щедр истребитель англов (*örr es Engla þverrir*). Олав рожден под солнцем²⁷.

Родовитый вождь без оглядки раздает людям доспехи и шлемы; эти одежды украшают дружину конунга. Надежный князь заставляет

---

²⁶ *Gefr attstvpill iofra / örr oc steinda knorro / hann vill hnögvi sinnar / habryniþ scip synia; / þiþ nyr Olafs auþar / annar konvng monnom / se þv hverr slict fe reiþir / sic beztan gram miclo* ([Mork., bls. 295]; cp. [Skj., I B, s. 382, No. 14]).

²⁷ *Herþengill gleðr hringum / hoddörr — sás rýðr odda — / beksagnir — lætr bragna / bragningr gjöfum fagna — / Norðmönnum gefr nenninn / Nóregs konungr stórum / örr es Engla þverrir. Óláfr borinn sólu* ([Mork., bls. 296]; cp. [Skj., I B, s. 382, No. 15]).

воинов принимать от себя тяжелые покровы Хара [= доспехи]. Так вождь отплачивает (*laungr*) дружинникам за тяжкий труд²⁸.

Олав, щедрый родич князей (*mildi hildinga kongr*), раздает расколотое на куски золото в знак дружбы и расположения, как не мог ни один отважный князь. <Весь о> склонности князя к одариванию (*gjöflund*) разносится под яркими небесами; он самый выдающийся из конунгов; спроси, кто может в деяниях уподобиться <ему>²⁹.

Весь этот текст из «Гнилой кожи», сопологающий в одном пространстве прозаическую и поэтическую составляющие, позволяет увидеть сам механизм перехода панегирика из поэзии в нарратив и еще раз дает возможность убедиться, что интересующие нас похвалы не изобретены составителями саг в конце XII–XIII в. Действительно, у нас есть все основания надеяться, что эти скальдические строфы Стейна сына Хердис созданы при жизни Олава во второй половине XI в. При этом мы не можем сказать со всей определенностью, когда именно была сложена сага, но тот, кто включил ее в кодекс в конце XII столетия, сохранил в составе повествования и стихотворные строки, и их прозаическую интерпретацию. Составитель текста то почти буквально следует в подборе лексики за скальдом (ср., например, *var öhnögr*, «был нескуп», в прозаическом тексте и *hann vill synia hnögví sinnar*, «он хочет отречься от своей скупости», в поэтическом), то обращается к краткому, резюмирующему пересказу поэтических отрывков. Таким образом, мы наблюдаем здесь воочию, как хвала мигрирует из одного типа речи в другой.

По-видимому, сходная модель (в целом весьма характерная для организации сагового рассказа) реализуется и во многих других случаях — прозаический текст характеристики основывается на более

²⁸ *Hilmir gefr ok hjalma / — hirð — svát enskis virðir — / — konungs prýða þau klæði — / kynstórr firum brynjur: / dyggr lætr þungar þiggja / þengill af sér drengi / — vás launar svá vísi / verðung — Háars gerðar* ([Mork., bls. 296]; ср. [Skj., I B, s. 382, No. 16]).

²⁹ *Óláfr gefr — svát jöfra / alls engi má snjallra — / höggvit goll til hylli / hildinga konr mildi: / grams es heidum himni / — hanns fremstr konungmanna — / — spyrð hverr glíkt mun gerva — / gjöflund borin undir* ([Mork., bls. 296]; ср. несколько иначе: [Skj., I B, s. 383, No. 17]).

древнем поэтическом, хотя этот последний может быть скрыт от наших глаз, не вписан непосредственно в текст саги. Саговая традиция, как уже неоднократно демонстрировалось, хорошо усваивает этот обычай хвалить конунгов за щедрость в раздаче даров и вырабатывает здесь свои собственные внутрижанровые клише, пространственные и краткие, однако за этими клише достаточно явно просматривается их поэтическая подоснова.

Следует еще раз отметить, что приведенный выше фрагмент скальдический поэмы замечателен не своей тематикой — щедрость в раздаче золота и даров своим людям в высшей степени традиционна для скальдов, — а именно разнообразием вариаций на эту тему.

Не менее существенно, что в скальдической поэзии одними из самых распространенных кеннингов, обозначающих правителя, были кеннинги, связанные с раздачей добра, в первую очередь золота ([Meissner, 1921, S. 246, 289–308, 330–331]; ср. [Fidjestøl, 1997, p. 132]). Именно этот концепт присутствует, например, в таком стандартном для скальдов обозначении правителя, как *mildingr*, «щедрый», или *auðmildingr*, «щедрый [в раздаче] богатства». Соответствующие развернутые описания есть, разумеется, и в эддической поэзии; встречаются здесь и непосредственные восхваления вождя, щедро раздающего золото дружине (ср., например, «щедро давал он / верной дружине / жаркое золото / кровью добытое»)³⁰. Без всякого преувеличения можно сказать, что похвалами щедрости мужей, раздающих золото своим сподвижникам, буквально пронизана как эддическая, так и в особенности скальдическая поэзия. Те единичные примеры, которые мы приводим, в лучшем случае могут лишь наметить некоторые специфические штрихи функционирования этого поэтического изобилия.

В общем потоке стандартизованных панегириков щедрости правителя вообще и его расточительности в раздаче золота своим людям в частности (а такие «комплименты» столь регулярны, что их можно назвать базовым элементом скандинавской культурной традиции) в качестве одной из вариаций фигурируют и описания своего рода «проверки» конунга на щедрость или его борьбы с собственным пристрастием к золоту.

---

³⁰ ...hann galt ok gaf / gull verðungo, / sparði eigu hilmir / hodd blóðrekinn [НН. 9, S. 127; СЭ, с. 74].

В рассказах о Магнусе Добром в «Гнилой Коже», который считался едва ли не щедрейшим из всех норвежских правителей, есть эпизод, когда норвежцы, победив под предводительством Магнуса вендов, принялись делить огромную военную добычу. Как отмечено в саге, из всех сокровищ Магнус взял только несколько колец и это был единственный случай, когда люди увидели, что он «охоч до богатства» (og þath eitt sinn sa menn *fegirne* hans). При этом он собственноручно разделил много добра между остальными воинами [Mork., bls. 46].

Из этого описания, как, впрочем, и из саговой традиции в целом, достаточно очевидно, что от правителя не ожидалось полного и безоговорочного равнодушия к богатству, к золоту. Речь, скорее, шла о том, что достоинство истинного конунга требует, чтобы он легко и охотно преодолевал такое пристрастие, а в особенно ответственных случаях и вовсе никоим образом его не демонстрировал.

У скальдов мы обнаруживаем немало случаев, когда максимальная степень такого пренебрежения выражена предельно концентрированным и достаточно стандартизированным образом — превращена в кеннинг. Любой правитель или восхваляемый муж может быть назван «ненавистником золота»³¹. Своеобразная же тонкая градация в этом вопросе видна, например, при сопоставлении только что приведенного рассказа о Магнусе Добром из «Гнилой кожи» с историей союза между отцом Магнуса, Олавом Святым, и конунгом Швеции Энундом-Якобом († ок. 1050 г.).

³¹ Ср., например, обозначение конунга Сигурда Крестоносца как «ненавистника огня земли ястреба [земля ястреба = рука; огонь руки = золото]» (hauka frons leughati) в стихах Эйнара Скуласона (XII в.) [Skj., I B, s. 424, No. 4], Магнуса Доброго как «ненавистника льда руки [лед руки = золотое украшение]» (armsvellis hati) у Арнора Тордарсона (XI в.) [Skj., I B, s. 312, No. 4], Эрлинга Скьяльгссона как «ненавистника земли змеи [земля змеи = золото]» (ormláðs hati) у Сигвата Тордарсона (XI в.) [Skj., I B, s. 228, No. 6] или конунга как «ненавистника костра моря [костер моря = золото]» (hati ægis báls) у Снорри Стурлусона (XIII в.) в «Перечне размеров» [SnE., s. 150, No. 3]. Отметим также, что в качестве традиционного у скальдов Снорри воспроизводит обозначение «ненавистник золота», «ненавидеть золото» довольно часто (например, bragna vinn kann gulli hata, «друг мужей [= конунг] способен ненавидеть злато» [SnE., s. 178, No. 90]). См. также: [LP, s. 231].

Согласно «Легендарной саге об Олаве Святом», Кнут Могучий († 1035 г.), правитель Дании и Англии, подослал к Энунду-Якобу людей с богатыми подарками, дабы тот изменил Олаву Святому и отступился от союза с ним. Послы троекратно испытывают шведского конунга, предлагая то золотые подсвечники, то драгоценный кубок, то кольца. Однако Энунд-Якоб не принял подарков, хотя не скрывал своего восхищения ими. В частности, отказываясь от последнего дара, золотых колец, конунг сказал:

Прозорлив конунг Кнут, и знает он, что я *охоч до богатства* и мало разбираюсь в куртуазном [поведении] (ес em *fegjærn* oc kann litla kurtæisi). Я был молодым человеком, когда увидел Олава конунга, и мне было так хорошо с ним, что я не желал с ним расставаться [ÓHLeg., Kap. 60, S. 60].

Заметим, что составители обеих саг весьма далеки от желания очернить Магнуса Доброго и Энунда-Якоба, поведение конунгов явно укладывается в рамки некоего эталона.

Для нас же наиболее существенно, что приверженность конунга к имуществу в «Гнилой коже» и в «Легендарной саге об Олаве Святом» описывается с помощью одинаковых лексических средств, а именно слова *fé-gjarn*³², которое можно передать как «охочий до добра», «испытывающий страсть к богатству», «алчный». Ту же лексему мы находим в почти формульной, построенной на полярных оценках, характеристике Олава Святого в «Круге Земном», которую мы приводили выше: «...охоч до всякого добра и щедро раздавал его» (букв. «щедрый и охочий до богатства» — *ögg ok fégjarn*)³³. Антитетичность делает эту характеристику особенно выразительной и запоминающейся, и она, в сущности, очень близка по статусу к устойчивым формулам. Таким образом, саговый мотив испытания конунга на приверженность к богатству, по-видимому, может быть сведен к краткому и достаточно устойчивому речению.

³² Ср. *fé* = «имущество, добро, деньги, скот»; *gjarn* = «стремящийся к чему-либо, алчущий, страстно желающий».

³³ См. [Hkr., bnd. II, bls. 82; K3, гл. 58, с. 196]; ср. [ÓHLeg., s. 27–28].

В интересующих же нас скальдических строках Эйвинда Погубителя Скальдов (*gumnum hollr ne gollr*), безусловно восхваляющих конунга, с формальной точки зрения также есть противопоставление: правитель к дружине милостив, а к золоту — нет. Подобная антитетическая структура сближает это речение с прозвищной формулой «щедрый (на золото), скупой на еду» или с только что рассмотренным выражением «щедрый и охочий до богатства». Благодаря этой антитезе вся фраза приобретает легко узнаваемый формульный облик. По содержанию это высказывание принадлежит к числу собственно панегирических характеристик, в тексте оно нередко соседствует и легко «склеивается» с традиционной похвалой щедрости знатного человека на угощение, еду.

Мы хотели бы подчеркнуть, что у скальдов, безусловно, присутствует не только мотив похвалы щедрости конунга как таковой, но и, так сказать, следующая ступень риторической организации, когда эта похвала облекается в относительно четкую и регулярно воспроизводимую двучленную структуру. О разных примерах функционирования подобных структур в скальдических произведениях нам еще придется говорить далее.

Не исключено, что и в эпической поэзии эксплуатировалась не только общераспространенная тема щедрости героев в раздаче золота дружине, но употреблялись и некоторые противопоставляющие конструкции, структурно и содержательно родственные тем, что мы встречаем у скальдов и в прозвищах. Мы обнаруживаем здесь обороты, напоминающие «осколки» такого рода формул, а, как мы знаем из позднейшей практики, отдельные элементы формульного текста охотно использовались в изолированном виде, коль скоро полный текст речения был хорошо известен и при необходимости легко достраивался аудиторией.

В качестве такого «осколка», возможно, функционировало выражение «скупой на еду» (*matníðingr, eigi matgóðr*). Однако, как уже говорилось, оно дошло до нас только в прозаическом рассказе о конунге Гейррёде, предваряющем эддические «Речи Гримнира», что не дает нам оснований уверенно говорить о его древнем происхождении. В «Песни о Хюмире» великанша говорит о своем муже, великане Хюмире, что он «скуп с гостями и скор на злой умысел» (*glöggv við gesti, /*

görr illz hugar)³⁴, при этом все это эддическое произведение несет на себе явный отпечаток влияния скальдической поэтики³⁵. Выражение, которое также могло бы считаться вариантом одной из частей нашей формулы, встречается и в стихотворных «Речах Фьёльсвина», однако и в этом случае древность текста вызывает определенные сомнения у исследователей³⁶. Кроме того, подобных «осколков» в любом случае недостаточно, чтобы утверждать, будто такие антитетические конструкции уже обладали в эддической традиции статусом формулы, — в данном случае необходимы хотя бы какие-то примеры, где представлен ее полный вариант. Быть может, таким примером является фрагмент «Древних речей Бьярки» (X в.), приведенный в «Младшей Эдде» в качестве иллюстрации к употреблению кеннингов золота³⁷.

³⁴ Ср. «зlobен супруг мой / часто бывает / и скуп на еду, / принимая гостей» в переводе А.И. Корсуна [Нум. 9. s. 86; СЭ, с. 50]; «муж мой неласков, / гостей не любит / и худо шутит, когда не в духе» — перевод В.Г. Тихомирова [Тихомиров, 1989, с. 591].

³⁵ По-видимому, скупость к гостям была пороком столь недопустимым, что он ассоциировался с миром безусловного зла или, во всяком случае, чего-то неподобающего богам и людям, например с миром великанов. Если мы вспомним перебранку Одина и Фриг об их двух воспитанниках, то увидим, что упрек в скупости на угощение гостей в каком-то смысле равноценен обвинению в сожительстве с великаншей (см. выше, примеч. 23).

³⁶ «Фьёльсвидр зовусь я, / и я обладаю разумом мудрым, / но не щедр [на] еду я» (Fiölsviðr ek heiti; / en ek a fróðan sefa, / þeygi em ek mins mildr matar [Fi. 4]), эти слова произносит незнакомец, носящий одно из имен Одина — Фьёльсвин / Фьёльсвидр («Многомудрый»).

³⁷ «Вождь тороватый / дружинникам даровал / Феньи работу, / Фафнира землю, / Гласира иглы, / Грани поклажу, / Драупнира капли, / перину змея. / Щедрый одаривал, / мужи принимали / волосы Сив, / лед мўки лука, / выкуп за выдру, / Мардёлль слезинки, огонь реки Орун, / речь великана. / Битвы вершитель / дарил, мы украсились / Тяящи речами, / народы без счета, / Рейна рудою, / распрею Нифлунгов, / витязь отважный, / не хранил его Бальдр» (Gramr enn gjöflasti / gœddi hirð sína / Fenju forverki, / Fáfnis Miðgarði, / Glasis glóbarri, / Grana fagrbyrði, / Draupnis dýrsveita, / dúni Grafvitnis. / Ýtti örr hilmir — / aldir við tóku — / Sifjar svarðfestum, / svelli dalnauðar, / tregum otrs-gjöldum, / törum Mardallar, / eldi Órunar, / Iðja glysmölum. / Gladdi gunnveitir — / gengum fagrúnir — / Þjaza þingskilum / þjóðir hermargar, / Rínar rauðmalmi, /

Нельзя не оговориться, однако, что истолкование этого примера связано с неизбежными, почти непреодолимыми трудностями, поскольку все, что осталось от произведения, — это два отрывка (в «Младшей Эдде» и в «Круге Земном») и пересказ его у Саксона Грамматика.

Еще одну антитетическую структуру, которая, по всей видимости, состоит в непосредственном родстве с интересующими нас устойчивыми речениями, мы находим в эддическом «Пророчестве Грипира», где, напомним, Сигурду Драконобойцу обещано: «Будешь велик, как никто под солнцем, / станешь превыше / конунгов прочих, / щедр на золото, / скуп на бегство, / обличьем прекрасен / и мудр в речах»³⁸. Вся эта цепь похвал, разумеется, чрезвычайно близка к нашим панегирическим формулам, а конструкция «щедрый на золото, скупой на бегство» (*giöfull af gulli, en glöggf flugar*) не может не вызывать определенных ассоциаций с прозвищем конунга Хальвдана Щедрый [на Золото], Скупой на Еду, хотя собственно лексическое наполнение этих антитез различно.

Таким образом, можно допустить, что и в эддической традиции существовали не только простые похвалы щедрости правителя, но и интересующие нас более изощренные образчики следующего риторического уровня, например противопоставительные панегирические фразы. Все же мы не взяли бы на себя смелость утверждать, что приведенных здесь примеров достаточно, чтобы говорить об устойчивом формульном статусе таких речений уже в древней эпической поэзии. Скальдический материал в этом отношении куда надежнее благодаря тому обилию и разнообразию вариантов интересующих нас конструкций, которое мы здесь обнаруживаем. Однако, как кажется, изучение генезиса этих конструкций не требует противопоставления разных родов поэзии, вполне оправданно рассматривать их связь с поэтическим языком как таковым.

---

rógi Niflunga / vísi enn vígdjarfi, / varði hann Baldr þeygi [SnE., s. 110–111; МЭ, с. 83]. Как кажется, речь здесь идет о том, что восхваляемый не хранил золото, а раздавал его дружине, причем золото обозначено с помощью ряда кеннингов, построенных на мифологических сюжетах.

³⁸ *Þú munt maðr vera / mætstr und sólo / ok hæstr borinn / hveriom iöfri, / giöfull af gulli, / en glöggf flugar, / ítr álitu ok í orðom spakr* [Grp. 7, s. 161; СЭ, с. 94].

Стихотворение же Эйвинда Погубителя Скальдов столь важно для нас не только потому, что содержит один конкретный пример хвалы конунгу, выстраивающий антитетическую конструкцию с использованием концептов «золота» и «щедрости к дружине». Дело в том, что пример этот совершенно особого рода. Как известно, скальдические стихи в силу чрезвычайной изощренности формы подвергались на протяжении столетий минимальным изменениям и искажениям, сохраняясь в первоизданном виде, и именно потому они оказываются одним из самых надежных исторических и лингвистических источников. При этом текст Эйвинда, несомненно, относился к совершенно определенному временному срезу — периоду правления конунга Хакона Доброго. Иначе говоря, мы с большой степенью достоверности можем утверждать, что конструкция «милостив к дружине, а не к золоту» существовала на скандинавской почве еще до крещения Норвегии, до эпохи массивированного воздействия литературной письменной традиции с континента.

Кроме того, именно скальдические источники дают нам все основания полагать, что формулировка, употребленная в стихе Эйвинда, уже в первой половине X в. существовала на скандинавской почве не изолированно, а в ряду других вариантов и родственных ей конструкций. Об этом свидетельствует, например, не менее интересное с точки зрения характеристики правителя произведение, принадлежащее той же эпохе, а именно — стихотворение самого конунга Хакона Доброго. Перед нами нечто вроде поэтического диалога между Хаконем и его приближенным, скальдом Эйвиндом, диалога, в котором конунг отдает дань отваге и верности своей дружины. Наблюдая за воинами, Хакон Добрый говорит, в частности:

...мои люди хорошо оплачивают (launa) мне за розданное им золото и изукрашенное оружие (копья). Буря одеяний Хамдира [= битва] возрастает, мы ведем этот бой³⁹.

---

³⁹ *Uæl launa mer mínir / menn oxlom styr þenna / rið væx hamdes klæða / hodd oc rekna brodda* (см. [Skj., I B, s. 54]; ср. также: [Fsk., bls. 40]). Стихи сочинены в ответ на развлекательные стишки (gaman kvíðling) Эйвинда Погубителя Скальдов.

Привлекающие наше внимание концепты предстают здесь как бы в обратной перспективе. То обстоятельство, что конунг, к которому в саге применяется характеристика «щедрый на золото», и на этот раз вел себя так, как подобает правителю, остается «за кадром», мы догадываемся об этом, так сказать, ретроспективно, из его собственного отзыва о поведении дружины в битве.

Непосредственная связь между формулой щедрости конунга на золото и еду и затронутым нами сейчас мотивом отплаты может быть проиллюстрирована на уже отчасти упоминавшихся примерах из саг. Мы уже говорили о том, как в «Саге об Олаве Святом» из «Круга Земного» прозрачная для аудитории формула обрастает целым нарративом: скальд Тормод показывает золотое обручье, подаренное ему конунгом, и в то же время говорит, что Олав кормил их (дружинников) так хорошо, что жир у него даже в сердце. В «Легендарной саге об Олаве Святом», которая в отличие от «Круга Земного» не была составлена Снорри, этот эпизод изложен почти тождественным образом: упомянуто и золотое обручье, и косвенно забота конунга о своих людях. Эта последняя мысль Тормода передана здесь так:

Вытащив (из груди) наконечник стрелы, он (Тормод) сказал, — «Хорошо (gott) у этого человека с сердцем, и этим мы обязаны нашему конунгу (букв. “это мы должны возместить (launa) нашему конунгу”)» [ÓNLeg., kap. 85, bls. 88].

Иными словами, описывая отношение конунга к своим людям, составитель «Легендарной саги» использует концепт, обозначаемый тем же термином *launa*, что в своем стихотворном речении употребил в X в. конунг Хакон Добрый.

Судя же по многочисленным, но несколько более поздним скальдическим примерам, упоминание отплаты конунгу за щедрость явно носило формульный характер, было своего рода стандартным средством для описания взаимоотношений правителя и его ближайшего окружения. Наиболее показателен, пожалуй, еще один дошедший до нас стихотворный диалог между конунгом и его дружинником. На этот раз дело происходит на рубеже XI–XII вв., а действующим лицом и одним из авторов оказывается норвежский конунг Магнус Голоногий

(† 1103 г.). В «Гнилой коже» рассказывается, как незадолго до смерти Магнус решил отправиться в военный поход на запад. Поводом для экспедиции послужила произнесенная кем-то виса:

Как твои великолепные, красноречивые на тингах оплачивают (launa) тебе за драгоценные дары? Каркасы кораблей содрогаются, [влекомые] течением на запад, — испытай нас, князь!⁴⁰

В ответном стихотворении, которое произносит сам конунг Магнус, тема «вложения капитала в дружинников» развивается скорее в негативном ключе:

Моим богатством (auð), которое я роздал многорадостным моим мужам, я распорядился скверно (illa folginn)...⁴¹

Тем не менее базовая формула, объединяющая этот диалог со строками Хакона Доброго, просматривается вполне отчетливо.

Скальдические стихи о Сигурде Слембидьяконе († 1139 г.), объявившем себя побочным сыном Магнуса Голоногого, выявляют особенно ярко обоюдную природу подобной отплаты — дружина в битве компенсирует конунгу то богатство, что он на нее растратил, конунг же вновь инвестирует добытое в бою богатство в дружинников:

Казалось славной дружине Давида, что не приходило туда столь же великого человека; вождь возмещал (bœtti) войску дружинников; все единодушно восхваляют юного конунга⁴².

⁴⁰ *Hví launa þér þínir / þingmæltir dýrlingar / — vestr bifask rengr í röstum — / — reyn oss jöfurr — hnossir* [Mork., bls. 331–332; Skj., I B, s. 404].

⁴¹ *Auð hefk minn — þanns mönnum / margteitum réðk veita — <...> illa folginn* [Mork., bls. 331–332; Skj., I B, s. 402]. Ср. также гл. 41 «Саги об оркнейцах» [Orkn., bls. 99–100], где эти же висы (с незначительными разночтениями) помещены в несколько иной контекст, нежели в приведенном нами примере из «Гнилой кожи». Здесь конунг обменивается висами со своим дружинником Кали, сыном Сэбьёрна, который был ранен в предыдущей битве.

⁴² *Þótti dýrum Dáfinns liðum / engr maðr kominn / æðri þangat: / bœtti vísi verðungar lið / hafði ungr konungr / almanna lof* ([Mork., bls. 406–407]; ср. [Skj., I B, s. 468, No. 8]).

Наконец, XII столетию принадлежат и скальдические строки, наиболее созвучные не только стихотворению Эйвинда Погубителя Скальдов, сочиненному в X в., но и прозвищу Хальвдана Щедрого [на Золото] и Скупого на Еду. Речь идет о двух строфах из «Древнего ключа размеров» ярла Рёгнвальда Кали († 1158 г.) и Халля Тораринсона. Эти стихи, с одной стороны, воспроизводят один из вариантов формулы «милостивый к дружине, а не к золоту», а с другой — разворачивают его в более пространный поэтический текст. В первой из строф наша формула фигурирует в качестве своеобразного зачина, где говорится, что конунг был «добр к людям, зол к золоту» (góðr kyni þjóðar, illr gollu). Этот же вариант формулы полностью повторен и в другой строфе, однако здесь она подводит итог более пространному описанию:

Битва возрастала. Князь (mildingr) едва берег лед тигля [= золото].
 Вождь заставлял гнутый янтарь уст [= золотые кольца] лететь прямо в войско; усмиритель мужей [= конунг], несклонный к бегству, охотно метал (сигнальный) огонь наковальни [= золото]; дерево копья [= муж] был добр (góðr) к людям, но зол (illr) к золоту⁴³.

Представленный в обеих строфах вариант формулы имеет еще более явно выраженную двучленную антитетическую структуру, нежели вариант из висы Эйвинда Погубителя Скальдов. Похвала щедрости непосредственно соседствует здесь с упоминанием о том, что конунг не склонен к бегству (trauðr flótta). Как мы помним, в эддических строках о Сигурде Драконобойце эти панегирические высказывания были включены в одну антитезу, опирающуюся на противопоставление скупости и щедрости (giöfull af gulli, en gløggf flugar — «щедр на золото, но скуп на бегство»).

Характерно при этом, что термин, обозначающий «немилость к золоту» (illr) в стихе ярла Рёгнвальда и Халля Тораринсона, — тот же, что и в составе антитетического прозвища древнего конунга Хальвдана, той его части, где сообщается о его «скупости на еду» (matarilli). Сопоставление двух примеров позволяет увидеть замечательную амбивалентность элемента *illr*, его способность приобретать в поэтической

⁴³ Morð óx, mildingr sparði, / mjök, litt diguljökla, / lét ósa röf ræsir / rétt bjúg á her fljúga; / fira settir rak flótta / fúss trauðr vita laudar, þollr var geirs, en gollu, / góðr, illr, kyni þjóðar [Skj., I B, s. 500–501, No. 28a, 28b].

строке прямо противоположные значения: «злой к злату = щедрый в раздаче злата», «злой на еду = скупой в раздаче еды». С формальной точки зрения эти компоненты антитезы различаются слабой и сильной формами прилагательного *illr* и падежом управляемого существительного⁴⁴. Однако сами по себе эти различия в грамматических характеристиках, как кажется, недостаточны для столь радикальной семантической инверсии⁴⁵, ее объяснение, скорее, следует искать в формульно-поэтической природе этих микротекстов⁴⁶.

Любопытно также, что «злой к золоту» конунг — это полулегендарный правитель по имени Гаутрек, который в традиции известен под прозвищем Щедрый (*mildi, örví, gíafmildi*). Не исключено, что авторы «Ключа размеров» располагали некими древними текстами, где наша формула присутствовала уже, так сказать, в готовом виде. Столь же вероятно, что формульное речение служит здесь своеобразным развернутым синонимом прозвища Щедрый, придающим к тому

⁴⁴ *Matar* — родительный падеж от *mat* («еда»); *gollí* — дательный падеж от *goll, gull* («золото»).

⁴⁵ В частности, в скальдической поэме XIII в., «Драпе о Йомсвикингах», мы встречаем в 36-й строфе выражение *illr af aurum* (букв. «злой на деньги»), чьи грамматические характеристики весьма близки к интересующей нас формуле из «Ключа размеров». Здесь зависимое существительное употреблено в дательном падеже, так же, как и в описании конунга Гаутрека. Однако означает эта конструкция, судя по всему, «скупой, скаредный», а отнюдь не «щедрый», т.е. нечто прямо противоположное тому, за что восхваляется Гаутрек (ср. [LP, S. 319]). Правда, в характеристике Гаутрека мы сталкиваемся с беспредложным дательным, тогда как в данном случае употреблена падежная форма с предлогом *af*. Тем не менее общеязыковая семантика предложных и беспредложных конструкций с дательным падежом и здесь не объясняет, повидимому, столь существенного семантического различия.

⁴⁶ Снорри Стурлусон выделяет в своем «Перечне размеров» особый прием скальдической поэзии — соположение в висе слов с полярно противоположным значением. В качестве примеров он дает, в частности, такие пары, как «ненавидеть» (*hata*) / «любить» (*unna*), «мир» (*fríðr*) / «ссора» (*deila*), «цельный» (*heil*) / «расщепленный» (*klofnar*). Демонстрируя же, как эти антонимы могут функционировать в стихе, он приводит, с одной стороны, пример некоей антитетической конструкции, а с другой — довольно парадоксальное обозначение двух противоположных отношений в одной субъектно-объектной связке: *hata unna gylli*, «любить ненавидеть злато» [SnE., s. 158, No. 19].

же должную традиционность этому поэтическому упражнению ярла Рёгнвальда и Халля Тораринсона.

По-видимому, двухкомпонентная антитеза, использующая эпитеты «злой, добрый», с определенного времени становится чем-то вроде своеобразной матрицы для порождения хвалебных формул различного содержания. Так, в соответствии с ней строится целый ряд вариантов микротекста, весьма популярного в Скандинавии в христианскую эпоху: ср., например, *góðr vínur sínum en grimmr óvínur*, «добрый к своим друзьям, но жестокий к недругам», *mjúklyndr góðum, harðr illum*, «мягкий с хорошими, суровый с плохими». Весьма характерно при этом, что эпитеты *góðr, illr* могут с равным успехом появляться в подобных двухкомпонентных структурах как в субъектной, так и в объектной позиции: возможна как конструкция «добрый, хороший к друзьям», так и «милостивый к добрым, к хорошим» (и, соответственно, «суровый к плохим»).

В то же время в рамках скальдической поэзии и другие лексемы, обозначающие щедрость и скупость, иногда утрачивали какую бы то ни было связь с характеристикой реального персонажа и становились чисто формальными элементами своеобразной панегирической риторики, особенно если антитеза «щедрый vs скупой» была построена на сравнении двух соперников. В этом случае упоминание щедрости становится своего рода индикатором, позволяющим определить, на чьей стороне выступает скальд, кто из протагонистов является объектом восхваления. Таково, например, стихотворение скальда Сигвата, которое приводится в «Легендарной саге об Олаве Святом» при описании победы конунга Олава над ярлом Свейном, сыном Хакона Могучего, в морской битве:

(У) щедрого (*milldr*) было гораздо большее войско к бою, чем (у) скупого (*glœggr*), когда дружина замыслила избежать гнева народного конунга. Но (у) лишенного друзей вождя, который экономил золото (*fe sparðe*), уменьшилось (количество людей) около стяга. Битва происходила перед широким полем⁴⁷.

⁴⁷ *Fec mæira lið miklu / milldr en glœggr / til hilldar / hirð þa er hugði forðazk / hæið þjóðkonongs ræði. / En vlnlausum visa / varð þeim er fe sparðe / hæðezc vig firir viðum / vange þunt um stangir* [ÓHLeg., кап. 25, s. 25; Skj., I B, s. 217].

Совершенно очевидно, что здесь нет места той особого рода объективизации (с которой мы сталкиваемся прежде всего в сагах и отчасти у скальдов), когда отдается дань мужеству обоих соперников или выявляются какие-либо противоречия в характере одного из них. Перед нами своего рода маски, где «щедрый» означает «хороший», а «хороший» означает «свой» (соответственно, скупой = плохой = чужой). В сущности, такие маски приложимы к описанию любого противостояния, тем более что в стихотворном тексте не упомянуты имена ярла Свейна и конунга Олава Святого, о которых речь идет в этом фрагменте «Легендарной саги», а из саговой традиции в целом никаких данных о скупости «плохого» ярла Свейна извлечь не удастся. Скорее он характеризуется как достойный правитель из могущественного рода хладирских ярлов.

Такое «выветривание» первоначального значения вообще, видимому, характерно для поэтического языка скальдов, особенно когда речь идет о столь стандартной характеристике мужа, как описание щедрости. Можно еще раз вспомнить, например, вису о конунге Олаве Тихом, где сказано, что он расстается со своей скупостью. Скупость как таковая этому конунгу, судя по многочисленным и разнообразным источникам, не была присуща никогда, и подобное выражение является со всей очевидностью лишь риторико-поэтическим синонимом, который используется, чтобы описать проявляемую государем щедрость.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Таким образом, благодаря показаниям рунических надписей и древнейшей скальдической поэзии многочисленные данные о дохристианской древности, извлекаемые из позднейших письменных памятников, приобретают совсем иной вес и статус. Вполне достоверным выглядит подкрепленное свидетельствами нескольких историографов прозвище одного из полубогородных Инглингов — Хальвдана Щедрого [на Золото] и Скупого на Еду. Столь же достоверным оказывается и то обстоятельство, что не позднее X в. в скандинавской традиции были распространены характеризующие правителя формулы, где регулярно использовались выделенные нами концепты. Очевидно также, что эти формулы в традиции варьировались, обыгрывались,

достраивались и переиначивались, что они, как мы видим из текстов Снорри Стурлусона, не утрачивали своей прозрачности и актуальности по крайней мере до середины XIII в.

Иными словами, такие характеристики конунга, как «щедрый на золото», «щедрый / скупой на угощение», «не жалеющий золота, а раздающий его дружине», и другие, подобные им, инвертируясь, усекаясь или разворачиваясь в целый сюжетный текст, были глубоко укоренены в скандинавской культуре, и у нас есть все основания полагать, что здесь на полуострове такого рода формулы были вполне автохтонными. Оговоримся сразу, что автохтонность в данном случае мы понимаем достаточно узко — применительно к нашим формулам и прозвищам мы подразумеваем всего лишь, что в литературную традицию они пришли из традиции местной и притом устной, дохристианской. Вопрос о том, например, являются ли они по происхождению собственно скандинавскими или общегерманскими, нуждается в дополнительном исследовании.

Существенно, однако, что в скандинавской дохристианской традиции безусловно сформировался собственный арсенал средств для порождения подобных панегирических характеристик правителя. С одной стороны, есть ряд связанных между собой, перетекающих друг в друга «проториторических» топосов, которые регулярно эксплуатируются в самых разных жанрах, — «князь щедр на угощение и на золото»; «правитель дорожит своими людьми, а не золотом»; «дружина оплачивает конунгу, а конунг возмещает дружине» и т.п. С другой стороны, существовали определенные формальные схемы для воплощения этих топосов: двухкомпонентные структуры, устроенные по принципу присоединения или антитезы, и набор лексических пар, синонимов и антонимов, таких, например, как *góðr*, *mildr*, *örr*, *hollr* и, с другой стороны, *illr*, *fégjarn*, *hnöggr*, *glöggr*, которые задействовались при конкретной реализации этих структур.

В рамках этих структурно-лексических возможностей существовала довольно большая вариативность соответствующих микротекстов, поскольку одно и то же содержание могло быть передано как с помощью «синтетической», так и с помощью «антитетической» конструкции. Порой один и тот же эпитет мог быть применен для обозначения как субъекта, так и объекта, некоторые оценочные слова употреблялись как в прямом, так и в перифрастическом значении,

вплоть до частичного нивелирования границ между синонимами и антонимами.

В сущности, создавалось некое языковое субпространство, где связь между формальным и содержательным была в большей мере конвенциональной, чем в языке в целом. Многое, хотя и не все, объясняется здесь тем, что наши панегирические характеристики развивались в первую очередь в недрах скальдической поэзии, для которой столь характерно изощренное варьирование заранее заданных элементов. При этом становление формульной вариативности отчасти шло по своему собственному пути, не ограниченному рамками поэтического канона.

Панегирические формульные речения сохраняются в скандинавской культуре на протяжении нескольких столетий таким образом, что их образчики, взятые из текстов разного происхождения, по функции практически тождественны, по структуре достаточно близки, а по лексическому наполнению совпадают лишь до определенной степени, однако и здесь, как мы попытались показать, их изменчивость отнюдь не безгранична и вполне предсказуема. Перед нами формулы особого рода, обязанные своим возникновением языку поэзии и при этом чрезвычайно распространенные в текстах прозаических, где они обладают способностью как развиваться в пространный нарратив, так и сохранять свою изначальную лапидарную структуру.

Эти формулы употреблялись на скандинавской почве применительно к знатым мужам, предводителям войска, и, естественным образом, особенно часто — к конунгам. У последних они могли превращаться в родовую характеристику или застывать в виде прозвища. В этой традиции «щедрость к своим людям» — едва ли не важнейший атрибут конунга, обеспечивающий в обыденном и в сакральном мирах его право на власть.

2. РУССКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Итак, у нас, по-видимому, есть основания полагать, что выделенные нами устойчивые речения — это не только вполне органичное порождение скандинавской культуры, но и своего рода концентрированная манифестация этой традиции. Совершенно очевидно, что

на пути распространения столь глубоко укорененных в конкретной культурно-языковой стихии микротекстов должны были возникать заметные препятствия. Однако тем показательнее случаи, когда мы обнаруживаем присутствие подобного рода формул (в особенности построенных на антитезе) в традиции, где мы ищем следы прямого скандинавского влияния.

НОВАЯ РОДИНА КРАТКОЙ ФОРМУЛЫ

Части и целое, панегирик и порицание

В русском летописании соответствующая антитеза представлена самым ярким и наглядным образом. Здесь мы обнаруживаем все основные типы ее репрезентации, кроме одного, быть может, самого главного — прозвищ. К причинам отсутствия именно этого типа мы вернемся позднее, сейчас же попытаемся охарактеризовать бытование того, что есть: двучленные формулы в их полном варианте, осколки и фрагменты таких формул и, наконец, повествовательные развертывания формулы в древнерусских памятниках.

«Бѣ бо любезнивѣ на дружиноу и имѣнїа не щадашеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даѣше дружинѣ своеи» [ПСРЛ, т. II, стб. 610–611] — так, например, говорится о новгородском князе середины XII в. Мстиславе Ростиславиче Храбром († 1178 / 1180 г.). Сходство этой похвалы русскому князю с традиционным панегирическим речением, употребляемым по отношению к скандинавским правителям, не ограничивается простым совпадением составляющих ее концептов. Существенно, что на русской почве эта антитетическая характеристика, противопоставляющая любовь к золоту, к накоплению богатства — любви и щедрости к своей дружине, может считаться личной характеристикой знаменитого князя-воина лишь отчасти. Она есть и в стереотипизированных некрологах двух его родных братьев: Святослава, умершего раньше, чем Мстислав († 1172 г.), и Давыда, надолго его пережившего († 1197 г.):

...сыи же блговѣрнии кнѣз Ростиславичь Стославъ бѣ оукрашенъ
всакою добродѣтелю . и блше храборъ на рати . и любовь имѣаше ко
всимъ . паче же млѣтни прилежаше . и монастыри набда . и черныѣ
оутѣшеваа . и мирьския цркви набда и попы . и весь . стльскїи чинь .

Litvina, A. F., Uspenskij, F. B. A Praise to Generosity, a Skull Bowl, and a Golden Cloak... The Outlines of the Cultural Interaction between Russians and Varangians [Text] / A. F. Litvina, F. B. Uspenskij ; National Research University Higher School of Economics. — 2nd ed., revised. — Moscow: HSE Publishing House, 2019. — 192 pp. — 400 copies. — ISBN 978-5-7598-2125-0 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2036-9 (e-book).

The Varangian contribution to the formation of the ancient Russian state is highly evaluated in the national scholarly tradition, more specifically, there are practically no doubts about the Scandinavian origin of the Rurik dynasty. However, there is a certain contradiction in the so-called Varangian problem: given a huge body of archaeological data unambiguously confirming the active Varangian presence in Rus in the 10th–11th centuries, we can only have at our disposal a very limited amount of the linguistic traces of ethnic and cultural connections between Russians and Scandinavians at that time.

This book presents an attempt at the historical and philological study in the field of the cultural contacts between Scandinavia and Rus before the very end of the Viking age. The image of the ideal ruler, the practice of gift exchange, the concepts of the status and inheritance rights of illegitimate children, a narrative about ancestors as a way of characterizing descendants, and similarities between personal names, nicknames and solemn eulogies — these are, to name just a few, the intense points of this interaction which became the focus of our study.

Научное издание

Литвина Анна Феликсовна
Успенский Федор Борисович

Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда...
Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия

Второе издание, исправленное

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *А.А. Архипова*
Художник *В.П. Коршунов*
Компьютерная верстка *С.В. Родионова*
Корректор *О.И. Ростковская*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 04.09.2019. Формат 60×88/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 10,6
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Изд. № 2361. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59